Народ всегда был прекрасно осведомлён о том, что «да будет тебе по вере твоей». Веришь в себя, значит, надейся только на себя. Веришь в могущество вождя, значит, надейся на вождя. Все выбирают второе. А коли выбрал, так уж будь добр, пеняй, в случае чего, на свой выбор. И вот эта народная философия солипсизма — такой обкатанный веками, отшлифованный до зеркальности камешек катится по блюдечку с золотой каёмкой, мелькают век за веком, события следуют одно за другим, но каковы бы они ни были, а в жизни народа почти ничего не меняется. На блюдечке лежат всё те же три корочки хлеба — иногда белые, иногда чёрные, иногда даже может появиться вкусный бутерброд. Беда лишь в том, что народ готов в любой момент лишиться всего этого великолепия и перейти на хлеб из лебеды. Говорят, именно феномен народного терпения и веры во что-то незыблемое и есть его главное героическое качество.

И тем более удивительны люди, которые выпадают из этого замкнутого круга смирения — люди, не желающие надеяться на кого бы то ни было, кроме себя, и собственных усилий. Журнал родины Шукшина «Бийский Вестник» — пример подвиж-



нического труда длиной в полтора десятилетия. Задумайтесь — что такое для литературного журнала вот эти полтора десятилетия в эпоху перемен? Это свидетельство жизнеспособности литературы и творческого, думающего человека, человека действия, ведь жизнь журналу подарена и поддерживается фактически одним энтузиастом — главным редактором. Источники финансирования, которые появляются время от времени, возникают лишь благодаря тому, что меценаты участвуют в проекте под доброе имя главного редактора.

Журнал «Бийский Вестник», ставший легендой, историей литературы Алтая, Сибири, России — в 2018 году празднует своё пятнадцатилетие. Что характерно для первой и второй книжек «Бийского Вестника» в юбилейном году? Без преувеличения, можно сказать, что поставленные в центр внимания читателей уникальные материалы о Шукшине и произведения писателей Алтая — его земляков. Думаю,

не ошибаюсь, утверждая это. Почему? А потому, что любое слово из жизни, о жизни Шукшина — не только интересно. Это живое прикосновение к самому писателю, к его родине, вызывающее «шок и трепет» — тот самый феномен, когда касание (ладонь в ладонь!) даёт энергию духовному росту людей. Именно вот этот живой контакт с Шукшиным и утрачен во многом при окультуривании его наследия.

Что происходит сейчас в Шукшиниане? Об этом размышляет Валентин Курбатов: «Давно гляжу: лежит в магазине пятый том шукшинского собрания сочинений, выпущенного ещё в 1992 году в Екатеринбурге, кирзово-фуфаечный, бедноватый в оголтелом (голотелом) окружении зазывных, броско-наглых обложек, и даже на взгляд там ему неудобно. Догадываюсь, что когда ночами повторяется история его горькой сказки "До третьих петухов", в которой Иван-дурак, оставляя на библиотечных полках своих серьёзных "коллег", идёт по их просьбе добывать справку, что он умный, этот невзрачный том "наводит шороху" среди публичной обложечной шушеры, так что перед открытием магазина эти "лакомые кусочки" и "рабыни секса", "дьявольские уловки" и "поцелуи на краю смерти" долго не могут найти своих мест. Но днём они своё возьмут. ... Так что же? Всему своё время под солнцем? И забвение, подкравшееся к Шукшину, естественно: другие времена — другие песни?»

Отвечая на этот свой вопрос Валентин Курбатов приходит к выводу, что дело тут не в старении творчества того или иного писателя, а в состоянии нашей души: «За трескотнёй о возрождении России мы успели подзабыть живого русского человека, который эту самую Россию и составлял».

То есть в процессе окультуривания памяти писателя произошло некое окукливание его образа и слова — нарастание оболочки привычного, стандартного, через которую трудно пробиться к живому сердцу и душе.

Об этом, как ни странно (как будто предвидя будущее), говорил и сам Шукшин: «...Кто придумал глиняную кошку с бантиком? Мещанин. Кто нарисовал лебедей

«...кто придумал глинаную кошку с оантиком: мещанин. Кто нарисовал леоедей на чёрном драпе и всучил мужику на базаре? Мещанин. Крестьянин не додумается до этого. Он купит лебедей, повесит на стенку и будет думать, что это красиво. Его обманули. Попробуйте теперь отнять у него этот ковёр с лебедями. Не отдаст. Он привык к нему. Надо ехать и объяснять, что это плохо. ... Надо бить его по рукам, этого "изготовителя", всеми возможными средствами. Изготовителя "ковров-книг", "ковров-фильмов", "ковров-концертов»...

Вот это — точное определение самого писателя тому, что происходит в Шукшиниане сейчас. Вывешивается «ковёр с лебедями». То есть — культурный суррогат. И в жизни происходит то же, что и в книжном магазине, торгующем «глянцем». Живая душа живого человека становится невидимой за громом фанфар и блеском бутафории. Происходит изъятие души, изъятие самого Шукшина из его же биографии. Чиновник Чичиков купил-таки мёртвые души. Вообще, всех нас купили — легко и просто.

О том же болит душа поэта Александра Боброва — статья «Растревоживший Русь». И остаются в стороне и забвении самые главные вопросы — что написал Шукшин, что такого важного сказал, что непременно нужно знать каждому? Шукшин работал как проклятый, работал до смерти. И мы должны понять, ради чего он работал и умер.

Журнал — то, что позволяет нам прикоснуться непосредственно — душой, ладонью к тому самому тексту, который выстрадан писателем. Поэтому, именно поэтому потрясают письма Шукшина, ранее неизвестные, опубликованные директором Всероссийского мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина (с.Сростки) Лидией Чудновой. Письма, адресованные Майе Семёновне Якутиной — односельчанке

Шукшина, работавшей в с. Сростки в районной прокуратуре в 1952 и 1953 годах, когда происходили почти ежедневно её встречи с будущим писателем, режиссёром, актёром.

Фактически, письмо к Майе Якутиной, датированное 27 сентября 1974 года (за неделю до смерти В.М.), это последние строки, написанные Шукшиным при его жизни, где он делится со своей бывшей односельчанкой планами на ближайшее будущее. Пишет о том, что скоро приступает к работе над большим фильмом о Степане Разине: «Работа предстоит столь огромная, что о ней не хочется заранее говорить (страшно пока), но делать надо».

В предыдущих письмах, где Майя Якутина говорила о том, что «жизнь уже прожита», Шукшин, не соглашаясь с ней, написал: «…это не так. Это ещё не конец, это добрая середина — на том и условимся».

 $\dot{\rm M}$ ни слова о каком-либо тёмном предчувствии — Шукшин не собирался уходить. Он собирался работать!

Прекрасно, что во второй книжке «Бийского Вестника» опубликованы рассказы Шукшина, упомянутые в статье Валентина Курбатова: «Стенька Разин», «Миль пардон, мадам!», «Жена мужа в Париж провожала». Живое слово Шукшина совершает чудо — создаёт эффект его присутствия в настоящем моменте. Очень верное редакторское решение, которому вторит стихотворение Николая Зиновьева: «Загорелый, вихрастый. Задорный/ На телеге сижу, а дорога/ Превращается в путь самый скорбный,/ Путь из детства, всё дальше от Бога.../ После будут событья и даты,/ Будет много и грязи, и лжи.../ И щемящее чувство утраты/ Незапятнанной детской души».

Письма Шукшина и его рассказы возвращают нас туда — к истокам его творчества, к незапятнанной детской душе, которая живёт в каждом живом человеке. Это и есть отличительная черта второй книжки журнала «Бийский Вестник» за 2018 год.

Журнал родины Шукшина «Бийский Вестник» вот уже пятнадцать лет удерживает рубежи прозы, поэзии, публицистики, следующих традициям классической русской литературы и, действительно, прекрасно справляется с поставленными изначально задачами — просветительства и создания единого творческого пространства в России, где может развиваться то, на чём зиждется жизнь народа, а именно его национальная культура.

